Содержание

Дарья Андреева Нефотогеничная ***7***

Елизавета Менькова Одного цвета ***25***

Елена Клишина Чердак ***35***

Дарья Новакова Две луны ***59***

Вика Смирнова Дай мне руку ***69***

Евгения Перлова Два типа людей ***77***

Наталья Пивоварчик Сакура еще не зацвела ***89***

Елена Бодрова Очередь ***99***

Дина Артемкина Уйти нельзя остаться ***107***

Алёна Мирьянич Старшая сестра ***115***

Елена Бондаренко Шпагат круче селфхарма ***121***

Ксения Снег За ширмой ***137***

Полина Щербак Можно? ***151***

Ольга Олесина Если бы это была игра ***163***

Мария Лаврская Наедине ***177***

Вика Козлова Бедная Лиза ***187***

Дарья Андреева

Нефотогеничная

На фотографиях я маме никогда не нравилась. Эти садовские, а потом школьные фотосессии: то ты в корзине с цветами, то на усыпанной золотыми листьями лужайке, которой отродясь нигде, кроме фотошопа, не существовало. Мама всегда говорила: они плохо снимают. Таня — симпатичная девочка, надо же так уродовать…

Не-фото-геничная.

Это слово, сперва непонятное, со временем прилепилось ко мне, как шелушинка к нёбу: и першит, и не выкашлять.

Поэтому альбом, на обложке которого читалось, всё в завитушках, «Наш 9 “Г”», я даже смотреть не стала. Девчонки листали, охали, хихикали — а я сразу сунула в рюкзак. И ошибки не заметила.

Зато мама вечером открыла и воскликнула:

— Ну что за люди!

Люди в альбоме были всякие: Макс и Алекса сидели на парте, закинув ногу на ногу, Ника и Мила показывали пальцами сердечки, Костик корчил рожу. Но мамин возглас относился, конечно же, не к ним. Я поспешно сунулась в альбом и увидела, куда тычет ее осуждающий палец (с деликатным французским маникюром).

«Т. Ахуджа», — было написано под моей фотографией.

Т. — это я, Таня, а вот Ахуджа — это вообще не я. Это мой отец, который привез диковинную фамилию из тех краев,

где пальмы машут зелеными лапами муссонам и коровы ходят по проезжей части. Привез и оставил мне — так давно, что уже вроде как и не считается. Поэтому теперь я Таня Митрофанова — по маме. Только вот Митрофановой я стала месяц назад: раньше все руки не доходили, а тут мама засуетилась и засуетила меня — мол, чтобы в аттестате все совпадало. Вот тебе и совпало: видимо, школа дала фотостудии какие-то старые, неправильные списки.

— Что за безобразие! Пускай исправляют! — возмутилась мама и пошла звонить Инне-Ванне, нашей классной.

Та перехватила меня на следующий день, когда мы репетировали вальс.

— Таня, мама вчера звонила. Я передала… фотостудия с вами свяжется. Конечно, все альбомы они не перепечатают, но тебе…

— Спасибо, — пробормотала я.

Инна-Ванна направилась к музыке, а я, глядя ей вслед, вдруг ощутила, какая духотища в этом актовом зале — аж блузка к лопаткам липнет.

— А я по-дурацки получился, — сказал Костик, пытаясь поставить лапы сорок пятого размера по третьей позиции.

Если честно, да — по-дурацки, и не только на фотосессии. Вроде высокий, но длинный и несуразный, вроде кудрявый, но кудри рыжеватые и смешным мелким бесом. Короче: вроде Константин, а по факту Костик.

Но у нас 9 «Г», а это значит — гумкласс. А гумкласс значит что?

А это значит, что пар будет столько, сколько мальчиков, и остальные будут сидеть на стульчиках красивые.

Впрочем, еще неизвестно, кому больше повезло. Потому что я как-никак до шестого класса на хип-хоп ходила, а Костик — никуда, кроме кружка юного зоолога. И при первых тактах вальса Костикова коленка с размаху врезалась в мою. Сустав взорвался огнем, я вскрикнула.

— Прости, прости! — засуетился Костик.

Парфюм — настоящий, взрослый — окутал меня, и я вмиг забыла, что мне больно и что вообще я состою из коленок и локтей, а не из чистого воздуха.

— Партнерши правой ногой вперед, партнеры левой назад, — сказал Макс. — Костян, ты чего, девчонка?

У Макса в анамнезе не хип-хоп в ближайшей школе искусств, а самые что ни на есть бальные танцы. У него прямая спина, гребешок каштановых волос и виски под машинку, а на висках всегда что-нибудь выбрито — молния, звезда. Он сам — молния и звезда: когда он подхватывает Алексу и показывает нам правильные па, кажется, что гравитация на него не действует и его бесшумные замшевые подошвы не касаются этого исшарканного школьного паркета.

Макс оттеснил зардевшегося Костика, и ребро его ладони уперлось мне под лопатку. Это было жестко, неудобно и совершенно умопомрачительно. Он двинул меня както так, что ноги пошли сами, и мне показалось, что я сейчас тоже оторвусь от паркета, как они с Алексой.

Но не успела. Потому что снова подсунулся Костик и буркнул с досадой:

— Да понял я!

Блузка липла не только к лопаткам, но всюду, и Макс уже давно стоял в центре зала и командовал парами, а я все еще чувствовала запах его одеколона.

Синяк над коленкой расплылся ого-го. Дома я видела его только сверху, а в примерочных, где зеркала в полный рост и свет бьет как софиты, оценила во всем великолепии. Перезрелой расквашенной сливой он выглядывал из-под шифоновых и атласных подолов, и я больше рассматривала его, чем наряды.

— Ну как? — Мама сунулась за занавеску и критическим взглядом окинула красовавшееся на мне алое платье.

— Годно, — отозвалась я, вертясь перед зеркалом. Пайетки на лифе взблескивали ослепительно.

— А по-моему, красное — вульгарно, — заметила мама.

Выпускной в девятом — это, конечно, не то чтобы выпускной-выпускной, но все же как-никак выпускной. Уж точно выпускнее, чем выпускной в четвертом, а у меня и тогда платье было — белое, как зефир, с необъятным бантом.

— Вот это примерь. — Мама сунула мне очередную вешалку.

На вешалке было что-то розовое, воздушное, как лепесток сакуры. Я послушно влезла в невесомый шифон, и по контрасту с его блеклостью моя собственная кожа вдруг показалась серо-желтой, больной.

— Сама весна, — умиленно сказала мама и поправила рукавчики фонариками.

Мы стояли в зеркале рядом: я с черными бровями, от которых бежала дорожка по переносице (честно, я подбривала), и она: бледная до белесости, с тщательно подкрашенными ресницами. Она без макияжа из дома не выходит, а я и не крашусь почти — и так цвет девать некуда.

В былые времена на детской площадке она всегда была няней. Люди удивлялись, узнав правду, а мама обижалась. Классе в первом Алекса (тогда еще Сашка) сообщила мне:

— А ты вообще приемная!

Она сказала это уверенно и безапелляционно. И хотя у меня никогда даже мысли такой не возникало, в тот миг я вдруг ясно поняла: она права. Несколько дней я проносила это открытие в себе, не зная, что с ним делать. Открытие помещалось внутри плохо, топорщилось, царапало и в ближайшую ссору с мамой — то ли за трояк она меня отчитала, то ли за немытую посуду — выхлестнуло наружу: «Ты меня не любишь, потому что я приемная!»

Ой, что тут было! Мама даже в школу ходила, даже слово «буллинг» произносила, хотя никто меня не буллил. Мне показывали фотки какого-то лупоглазого младенца и уверяли, что это я. Даже папу показывали — возможно, первый раз в жизни. Он был и даже улыбался, стоя с коляской. Ничего во мне от его белозубой улыбки не шелохнулось.

— Давай это, — сказала мама, разглаживая тюлевые лепестки. Я набрала в грудь воздуха — и сдулась.

— Я должна подумать.

Подумать и посмотреть на себя после того, как… Хотя непонятно, когда это «после» наступит. И наступит ли. Денег-то у меня все равно не хватает. Вешая платье обратно, я перевернула бирку: сумма на ней значилась в два раза больше, чем та, которую мне назвали в салоне красоты. Но просить у мамы… исключено.

С такой просьбой можно было обратиться разве что к Ксюхе. Мы сидели на лавочке в парке и ели чипсы из одного пакета — и я решилась.

— Ну дам, — протянула она. — А на что?

— На парикмахерскую, — уклончиво ответила я.

Ксюха округлила глаза. Глаза у нее голубенные: в них небо над березовой рощей, окские разливы и полянки весенних пролесок.

— Постричься хочешь?

Я сама в точности не была уверена, чего хочу. Или была. Это странное состояние, когда говоришь себе: ничего не решено, еще можно сдать назад, а между тем совершаешь действие за действием, неуклонно ведущие к цели.

— Пробовать надо, — одобрила Ксюха. Она успела походить и с косами, и с боб-каре: ее светлая копна легко укладывалась и быстро отрастала.

Может, я и рассказала бы ей все как есть, но тут на скамейку напротив плюхнулись двое парней. У них были гироскутер и колонка, в шорохах которой можно было разобрать рэповый бит. Мы с Ксюхой — само как-то — стали говорить громче и смеяться задорней.

— Ты какой шоколад больше любишь: белый или черный? — громко спросил у своего приятеля один из парней, в бейсболке, и покосился на нас.

Мы захохотали еще заливистей. Бейсболочный поднялся и с гироскутером под мышкой двинул к нам.

— Девчонки, покататься не хотите?

Ксюха закинула одну на другую белые ляжки в джинсовых шортах и слизнула с губы чипсовые крошки. К блеску они всегда особенно липнут.

— Да мы не умеем, — небрежно бросила она.

— Поможем, — не смутился бейсболочный. — А то сидите с подружкой, скучаете…

— Мы не подружки, — сказала Ксюха.

— А кто?

— Сестры, — хором ответили мы.

Парни захохотали. Знакомо, ожидаемо, предсказуемо.

Мы любим троллить народ, объясняя, что мы сестры. Чистая правда — сестры, только двоюродные, и у Ксюхи папа не Ахуджа, а Попов. От папы Попова ей достались все эти разливы и пролески, и, когда к ней приезжает бабушка, она, любуясь, говорит: Ксения наша — ну кровь с молоком!

Ко мне бабушка не приезжает. Даже не знаю, где она живет и как ее зовут. Может, ходит в пестром сари с серьгой в носу и сыплет в тушеные бобы килограммы перца. Без понятия.

Гироскутер веско стукнул об асфальт, замигал приветственно огоньками. Оставив пакет с чипсами на лавочке, Ксюха водрузила ноги на платформу — но тут же, охнув, соскочила.

— Не, боюсь! — засмеялась она — то ли правда боясь, то ли кокетничая.

Я не боялась — все-таки пять лет хип-хопа, и вообще я помельче, посбитее. Равновесие поймалось само, едва я вскочила на гироскутер, но бейсболочный схватил меня обеими руками — одной за талию, а второй где-то пониже шорт, да не схватил, а прямо стиснул.

Я спрыгнула быстрее, чем мигнули огоньки.

— Лапы убрал!

Бейсболочный хмыкнул, подобрал гироскутер.

— Не хотите кататься — не надо.

Под шортами у меня горело. Бейсболочный отошел к своему приятелю, подкрутил громкость колонки. Рэп забухал громче, а из-под него выплеснулся хохот.

— Чего ржете? — обиженно бросила я, перекрикивая колонку.

— Ржут ишаки у тебя в горах, черномазая, — отозвался бейсболочный.

Я не краснею. То есть, может, и краснею, но на смуглой коже всё равно не видно. А вот Ксюхина кровь с молоком, когда та злится, вспыхивает бешеным помидором.

— Пошел ты! — крикнула она и швырнула в них пакетом с чипсами. Чипсы разлетелись по асфальту, к ним с ближайшего дерева со свистом метнулись голуби. Мы ушли под голубиное урчание, трещащий рэп и гнусное улюлюканье.

В салон красоты я позвонила сразу, как переступила порог дома, а через час уже сидела в кресле. Мастерица поцокала языком.

— Осветлителем несколько раз пройтись придется…

Запах был едкий, и мазала меня мастерица долго — мазала и заворачивала прядки в фольгу. Когда я превратилась в инопланетянина с серебристыми рожками, отправила посидеть. И только я погрузилась в ролики в телефоне, как открылась дверь и вошел Макс.

Администраторше он улыбнулся так, как будто приглашал на румбу.

— Здрасьте, я на стрижку записан.

Меня он, кажется, не узнал. Может, и лучше бы, чтоб не узнал, но я сдуру решила, что вот-вот узнает, и ляпнула:

— Привет.

Тут-то он и узнал. Глаза округлились.

— Танька? Ты чего?

— Крашусь, — пробормотала я.

— А, — отозвался он и, повернувшись ко мне спиной, плюхнулся в кресло.

Щелкали ножницы, жужжала машинка, и так же, как машинка, зудело у меня внутри. Краем глаза я видела свое отражение в одном из многочисленных зеркал: вся завернутая, с шуршучей шевелюрой из фольги. Мне хотелось плакать. Зачем я окликнула его, ну зачем?

— На виске «А» сделайте, — сказал он мастерице.

Что такое «А»? Альфа? Ему можно. Буква класса? Да ведь мы «Г». А может, Алекса? Вроде они только партнеры, хотя бывает ли только…

Ясно одно: «А» — это не «Т», никак и никоим образом не «Т».

Когда он уходил, мне мыли голову: я лежала в холодной керамической мойке, запрокинувшись, выпятив шею и судорожно пытаясь сглотнуть лишнюю слюну. Но, может, он обо мне и не помнил и в мою сторону не посмотрел… Лучше бы не посмотрел.

— Ну как? — горделиво сказала мастерица, поигрывая вертящимся креслом. — Огромная работа!

В зеркале у меня были светлые волосы. Светлые! Они падали мне на плечи небывалым белокурым водопадом, и я осторожно потрогала их — словно они были приставные и могли в любой миг отвалиться. На ощупь они тоже были словно не мои — легкие и сухие.

— Конечно, после такого интенсивного воздействия надо будет укреплять, — поспешно сказала мастерица. — Могут ломаться, сечься. Бальзамы, маски…

На улице я несла свою новую голову бережно и гордо. Мне казалось, что все прохожие смотрят на меня, что я произвожу фурор.

Но настоящий фурор случился дома. Я даже испугалась — так у мамы перекосилось лицо.

— Таня! — задыхаясь, воскликнула она. — Таня, что это?

Я затараторила:

— Многие пробуют, и я хочу! Вон и Ника уже красилась, и Милка…

Мама протянула руку и осторожно потрогала светлую прядь.

— Так выжечь волосы… так выжечь…

Я совсем растерялась. И от растерянности выпалила тем воинственнее:

— В конце концов, я человек с паспортом и имею право…

Разъехавшееся мамино лицо снова собралось и даже как-то окаменело. Она ничего больше не сказала. Но почему-то весь вечер смотрела на меня так, как будто я сломала нос. Или обожгла лоб. В общем, как будто с моим лицом случилось что-то ужасное и непоправимое.

Я клеилась к каждому зеркалу: уже не столько любовалась, сколько выискивала непоправимость, которую мама видела, а я нет. Ну, подумаешь, сухие. Ну куплю я эти маски и бальзамы. Конечно, немного странно смотрятся светлые корни со смуглой кожей, но ведь это… классно? И на фотках с последнего звонка я буду не ахуджа какая-нибудь…

Ника, сидевшая со мной за одной партой, сказала:

— Ой! Я тебя не узнала! Богатой будешь!

Инна-Ванна вскинула брови:

— Аху… Митрофанова, имидж сменила?

Алекса бросила, когда мы шли в актовый зал на репетицию:

— Блонд, конечно, так себе. Желтит.

А Костик вежливо похвалил:

— Красиво.

И снова наступил на ногу.

Макс не сказал ничего. На его выбритом виске сквозила буква «А», и, когда он пронесся мимо меня в вальсе, обдавая хуго-боссным ветром, я окончательно уверилась, что «А» — это Алекса.

Вечером, когда я сидела на Sdamgia и решала математику, написала Ксюха: «Ну как, постриглась?» Я скинула ей фотку. «Аффигеть!» — откликнулась она и прислала много сердечек.

Я перешла на ее страничку и среди школьных мемчиков и перепостов от бьюти-блогеров долистала до ее прошлогоднего выпускного. Ксюха была вся в горох, с пышной юбкой и открытой спиной — стиляга стилягой, Мэрилин Монро.

— Красотка, — сказала мама за моей спиной.

Я подпрыгнула: она подошла неслышно и теперь с умилением смотрела на Ксюху через мое плечо. По ту сторону экрана мы с мамой тоже были: стояли сбоку от Ксюхи на

ступеньках ее школы, а с другого боку стояли тетя Наташа и папаша Попов, который изволил явиться по случаю выпускного. Тетя Наташа с мамой как бы обрамляли Ксюху с двух сторон — обе тонкие, белобрысые, очень похожие. Я в их компании выделялась, как ворона среди чаек.

С размаху я захлопнула ноутбук. Мама вздрогнула и нахмурилась:

— Таня! Компьютер пожалей!

Я протиснулась мимо нее на кухню, сунула нос в холодильник: подальше от маминого укора и поближе к шоколадной пасте.

— Ксюха, конечно, ноутбуками не хлопает!

— При чем тут Ксюха? — Судя по маминому раздраженному голосу, она стояла прямо за дверцей — за соусами и яйцами. — Закрой, холод выпускаешь...

Налегла на дверь — я отпрянула — дверь захлопнулась. Мама посмотрела на шоколадную пасту в моих руках и сказала:

— Потом не жалуйся на прыщи, — и ушла.

Назло ей я ела шоколадную пасту прямо из банки, а мама за тонкой дверью говорила по телефону. «Подростковые кризисы», «фокус за фокусом» — доносилось оттуда. Второй голос слышался далеким эхом, но, кажется, он был тети-Наташин. Уже приторно было, уже не хотелось, но я упрямо окунала столовую ложку в застывшую от холода шоколадную массу.

Ксюха, конечно, была не виновата в том, что она такая Мэрилин Монро в этом горошчатом платье. И мама была не виновата в том, что ей это нравилось. Мне тоже нравилось. Это было красиво.

Просто иногда мне казалось, что она предпочла бы, чтобы ее дочерью была Ксюха.

Не в смысле сама Ксюха, конечно. Но такая, как Ксюха. А не такая, как я. Чтобы ее не называли няней, а говорили, как тете Наташе: «Мамина дочка!» И чтобы я тоже была похожа на Мэрилин Монро, а не на Таню Ахуджу.

Прыщи, высыпавшие к утру, я сладострастно подавила, а потом долго замазывала тоналкой. Мой крем был старый, засох и скатывался, пришлось взять мамин, посвежее, но он на десять тонов светлее, чем надо, и лоб у меня получился белый. Как спина, только лоб, ха-ха.

Первым уроком была физра. Физрука мы зовем просто Дед — потому что… ну, потому что он и правда дед в трениках и верит, что физкультура — это предмет. Разубеждать его как-то неэтично (да и непрактично в плане оценок), поэтому нам тоже приходится делать вид, что физкультура — это предмет.

На улице было совсем уже тепло, и Дед вывел нас на улицу, на школьный стадион, где заставил бегать стометровки. Мы мокли и потели на майском солнце, а он стоял у финиша с секундомером и подбадривал:

— Ну что приуныли? Свежим воздухом дышите, загораете! Белые вон после зимы, как макаронины вареные. Одна Митрофанова всегда загорелая…

— Мы уж лучше в солярий, — сказала Алекса, закатывая глазки. Но так сказала, чтобы Дед не услышал.

После физры я замешкалась перед зеркалом раздевалки. Лоб у меня блестел, красные бугры обнажились. Но я смотрела не на них — на себя. Кожа по соседству со светлыми волосами выглядела еще темнее, почти по-африкански, а блонд — права Алиса — действительно желтил. И вдруг я кое-что ясно, совсем ясно поняла.

Написать об этом я могла только Ксюхе. Мне немного стыдно было, как я прихлопнула ее вчера в ноутбуке, — хорошо хоть, она этого не видела, а мама не поняла. Или сделала вид, что не поняла… Короче, хорошо, что как будто бы этого и не было.

«Мне не нравится», — напечатала я под партой на русском.

Помедлила — и отправила. И вот когда сообщение улетело, я окончательно уверилась в том, что каждая буковка в нем — правда, что мне не нравится, не нравится, хоть ты тресни.

Ксюха тут же ввалилась онлайн.

«Да ты просто не привыкла».

«Нет. Мне не нравится».

Пауза. Печатает. Пауза. Печатает. Не в сети.

А нет, снова в сети. Печатает.

Мне пришел матерящийся смайлик, пять штук. И я засмеялась, и стало чуточку легче. Хорошо, что есть Ксюха.

— Митрофанова, — окликнула русичка, — что такого смешного? Давай-ка, ищи в этом предложении все согласования!

Я уже поднималась обреченно из-за парты, чтобы идти к доске, когда мелькнуло сообщение от Ксюхи: «Есть идея».

Она прибежала ко мне после репетитора по обществознанию и с видом Деда Мороза вытрясла из рюкзака несколько розовых тюбиков.

— Не-ет, — сказала я, качая головой. — Нет!

Ксюха решительно придвинула тюбики ко мне. Лицо у нее было как у котика из Шрека.

— Ты же сама сказала, что тебе не нравится!

— Ну не до такой же…

Я хотела сказать: не до такой же степени, но розовые тюбики притягивали мой взгляд.

— Когда еще экспериментировать? Раз сейчас светлые, надо пользоваться! Потом опять не прокрасишь… — убеждала Ксюха. — В любом случае — смоется за месяц!

Я молчала. Ксюха вдруг наскочила на меня, стиснула в объятиях.

— Танюсечка! — горячо залопотала она мне в ухо. — Я давно хотела. Давно-давно! Но страшно. А вдвоем не страшно!

— Мама меня убьет, — сказала я. — А тебя — тетя Наташа…

— Обеих не убьют, — авторитетно заявила Ксюха.

Розовая масса, когда мы выдавили ее в мисочку, напоминала ягодный мусс — только запах был химозный. Мы подкалывали пряди, промазывали друг другу виски и затылки. Скоро и кафель, и раковина, и Ксюхины белые бедра,

разложенные на бортике ванны, — все покрылось малиновыми разводами. А потом мы мыли головы и с нас текла розовая водичка, будто снова детство, ветрянка и марганцовка.

Мы как раз драили ванну, когда зазвенели ключи и в прихожей хлопнула дверь. Мы замерли и переглянулись.

Я шагнула через порог ванной первая.

— Таня!

Мама так и села — прямо на тумбочку для обуви. Следом за мной из ванной вывалилась Ксюха с розовой губкой в руке.

— Ксюша, — упавшим голосом пролепетала мама.

Хорошо все-таки, что я не краснею! Вот Ксюха стала в тон своей шевелюре. Но залопотала бойко:

— Тетя Оля, это самовыражение! Мы ищем свою идентичность!

Мама молчала, разглядывая нашу розовую идентичность, а потом, крепко сжимая телефон, развернулась и ушла в комнату. Голоса за дверью — мамин и телефонный — были на тон взвинченнее, чем в прошлый раз.

Ксюха обняла меня — то ли ободрить, то ли ободриться. Зеркало в прихожей отразило нас: две малиновые, не совсем равномерно прокрашенные шевелюры. И вдруг Ксюха прыснула.

— Смотри-ка, а и правда сестры! Теперь похожи!

В комнате что-то громко упало. Надеюсь, не телефон.

На следующий день моя соседка по парте Ника выпучилась:

— Ну не просто богатой будешь, а миллионершей!

И Алексе малиновый не желтил. К счастью, малиновый желтить не может.

Только вот Инна-Ванна, встретив меня на пороге актового зала, не поняла.

— Аху… Митрофанова, это что? Последний звонок через три дня!

В моей малиновой голове как-то малиново зазвенело. Я сказала:

— Это просто волосы, Инна-Ванна.

Но она как не слышала:

— Мы форму берем напрокат! У нас белые банты, белые передники! Юные, чистые девочки! А ты…

— А я, значит, грязная? — пробормотала я.

Инна-Ванна вспыхнула и прищурилась.

— В таком виде никакого вальса, — отрезала она.

Малиновый звон взорвался тысячью последних звоночков.

— Ну и не нужен мне ваш вальс! — крикнула я.

И бросилась по лестнице вниз. По ступенькам как раз поднимался Костик — я налетела на него, кажется, даже на ногу наступила и выпалила куда-то в лацкан его пиджака:

— Ищи себе другую партнершу!

Маме я сказала, чтобы двадцать пятого не отпрашивалась. Лицо у нее стало расстроенное.

— Почему?

Мне не хотелось говорить ей, что это из-за розовых волос.

— Ну ты же знаешь, гумкласс… Мой партнер заболел, а заменить некем.

Кажется, мама хотела что-то еще спросить — но не стала. И сказала смиренно:

— Ладно.

Мне вдруг стало до слез жалко — себя, ее и несбывшийся вальс. Я знала, что ей этого хотелось: сморгнуть слезу на последнем звонке, выложить во «Вконтакте», как мы топчемся с Костиком, показать всем знакомым фотографии меня с бараночками и в форме. Может, я и не очень на этих фотографиях получилась бы… но теперь-то совсем никак.

Я обняла ее крепко-крепко:

— Мам, да я вообще туда не хочу! А на выпускной купим платье розовое, которое тебе понравилось, ладно?

— Не знаю… какое ты хочешь, — неуверенно пробормотала стиснутая мама куда-то мне в плечо.

— Вот его и хочу! Оно теперь к волосам моим подходит!

Мама засмеялась. И очень осторожно погладила меня по малиновым прядям — как будто они могли укусить.

Вместо последнего звонка я ботала инглиш. Прибавляла суффиксы, обводила true и false. Когда мозги совсем вспухли, пошла в магазин — мама просила купить овощей.

Овощей я набрала, а еще взяла нам с мамой тортик. Ну, все-таки последний звонок, надо же отметить. Расплатилась на кассе, шагнула в раздвижные двери — и чуть не столкнулась с Костиком.

— Ой! Привет… А ты чего не на последнем звонке?

Я еще выговаривала конец фразы, а мне уже стало неприятно. Он, значит, тоже без вальса. Вроде как я его подвела. Но я же предупредила? Предупредила. Девчонок свободных навалом, мог любую позвать…

— Не хочу, — сказал он.

Это прозвучало так просто, что он сам смутился. И буркнул грубовато:

— Да ну, что там делать! Оттопчу еще одной ноги! Я же знаю, что танцор из меня… И ты меня извини! Знаю, что достал тебя…

Я, конечно, не краснею, но щекам стало горячо, и даже волосы на голове, кажется, вспыхнули еще малиновей.

— Костик, да не в этом дело! То есть ноги ты мне, конечно… Меня Инна-Ванна выгнала!

Он посмотрел недоверчиво:

— Как это «выгнала»?

— Докопалась из-за розовых волос!

Костик посмотрел на мою шевелюру. Выражение лица у него было неопределенное. А мне было стыдно. Я же ничего ему не объяснила! Вот он и решил, что я просто не хочу с ним танцевать!

— Так это не из-за ног? — уточнил он.

— Конечно нет!

Ноги, протестуя, заныли — во всех отдавленных Костиком местах. Но я переступила с подошвы на подошву, чтоб перестали. И тут у меня в сумке-бананке зазвонил телефон.

Я замешкалась, попыталась поставить пакеты на заплеванный асфальт, но Костик протянул руки и отобрал их у меня. Я выхватила назойливо пиликающий мобильник:

— Да!

— Здравствуйте, фотостудия, — усталым голосом сказали из трубки. — По поводу альбома, сказали, там перепечатать надо…

В стеклянной витрине стояла девица с розовыми волосами. Девица отражалась смутно, только малиновый костер на башке горел ярко. Рядом так же смутно вырисовывался Костик. И то ли стекло его как-то преломило, то ли мои овощи с тортиком — но почему-то он не выглядел нелепым. Он выглядел как… ну, как Костик, который держит мои пакеты, пока я говорю по телефону.

Я сказала в бурчащую трубку:

— Да не надо ничего перепечатывать.

Трубка осеклась.

— Не надо? — обескураженно переспросила она. — Но нам сообщили…

— Да ерунда. — Я махнула рукой. Мое отражение с малиновыми волосами махнуло тоже. — Ну какая разница? Как есть. Спасибо!

Отключилась и потянулась за своими пакетами. Но Костик почему-то пакеты не отдал, больше того — руки отвел.

— Тяжелые, — сказал он. — Давай провожу?

Это была не я, честно. Это вот эта девица с малиновыми волосами в отражении. Это она кивнула.